

**ОБРАЗЫ
социальной работы:
социокультурная рефлексия**

Под редакцией Е. Ярской-Смирновой

Москва
ООО «Вариант»
2016

УДК 316
ББК 60.5

Образы социальной работы: социокультурная рефлексия / под ред. Е. Ярской-Смирновой. (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», 2016. – 134 с.

Коллектив авторов:

Григорьева О.А. (Раздел 4, Приложение), Давыдова И.А. (Раздел 1), Кононенко Р.В. (Раздел 4), Любимова А.Д. (Раздел 3, Приложение), Оберемко О.А. (Раздел 2, Приложение, Заключение), Рожкова О.А. (Раздел 1, Заключение), Ярская В.Н. (Введение, Раздел 4, Заключение), Ярская-Смирнова Е.Р. (Введение, Раздел 4, Заключение, общая редакция)

Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта «Профессиональная культура работников социальных служб: методология социально-антропологического исследования (на примере специалистов социальной работы)» при поддержке РГНФ, грант № 14–03–00778 (2014–2016) и Научного фонда НИУ ВШЭ (грант № 15–09–0284) в 2016 г.

ISBN 978-5-00080-060-7

Важной контекстуальной составляющей профессиональной культуры выступает популярный образ профессии. Книга включает результаты научно-исследовательской работы, осуществлявшейся на заключительном этапе работы по проекту. В задачи этого этапа входило проведение контент-анализа масс медиа и профессиональной литературы с целью выявить динамику образа социальной работы и оценить публичный имидж профессии; интерпретация противоречий статуса и идентичности представителей профессиональной группы в репрезентациях помогающей профессии. Для социологов, социальных антропологов, специалистов в сфере социальной работы, социальной политики и масс медиа.

© Коллектив авторов, 2016
© ООО «Вариант», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	
Ценностно-символический контекст профессионализации социальной работы	5
 <i>Раздел 1</i>	
Образ социальной работы в российских СМИ: количественный анализ.	13
 <i>Раздел 2</i>	
Репрезентация профессии социальной работы в общероссийских выпусках Российской газеты за 2014 год: качественный анализ.	36
 <i>Раздел 3</i>	
День социального работника в официальном дискурсе региональных СМИ.	87
 <i>Раздел 4</i>	
Тематизация социального неравенства в текстах учебной литературы по социальной политике и социальной работе (2005-2013)	100
 <i>Заключение</i>	122
 <i>Список источников</i>	128
 <i>Информация об авторах</i>	134

Раздел 2.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕРОССИЙСКИХ ВЫПУСКАХ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ ЗА 2014 ГОД: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

В тексте проанализированы репрезентации социальной работы как профессиональной деятельности в общероссийских выпусках «*Российской газеты*» за 2014 год. Это издание выражает официальную точку зрения на происходящие события; поскольку именно Российское государство патронирует и формирует социальную работу как профессиональную деятельность, его точкой зрения следует пренебрегать менее всего.

Для анализа был взят 2014 год; завершённый максимально близкий по времени год, когда конфронтация России с «остальным цивилизованным миром» и взаимное закрытие в символическом пространстве еще не получили своего развития. Информационная открытость миру в данном случае важна, поскольку рецепция и развитие социальной работы в России проходит в контексте глобализующих трендов, включения Российского государства и российского общества в глобальный мир.

Отбор статей производился в поисковой системе «Интегрум». Генеральную совокупность представляли федеральные выпуски «*Российской газеты*» за 2014 г. В поисковый запрос были включены следующие ключевые лексемы с оператором «или»:

- атрибут: социальн* ,
- ключевые лексемы: работ* , реабилит* , поддерж* , помощ* , об-служ* , служб* , защит* .

Из массива отобранных публикаций, удовлетворяющих критериям формальной релевантности, были удалены тексты федеральных законов; в результате объем выборки за 2014 г. составил 64 статьи.

По результатам тематического кодирования в ходе ознакомительного чтения без строгой формальной процедуры отобранные статьи распределялись по эмпирически выделенным тематическим категориям (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Тематическая структура статей о социальной работе,
опубликованных в общероссийских выпусках «Российской газеты»
в 2014 г.**

<i>Всего формально релевантных (без текстов законов)</i>	<i>63</i>
Содержательно нерелевантные тексты	24
1. Нерелевантные тексты	6
2. Тематически нерелевантные тексты с пертинентным употреблением ключевых лексем	18
Пертинентные (содержательно релевантные) тексты	39
3. Разговор о событиях	10
4. Разговор о законах	29

Относительно небольшой объем выборки делает излишним более дробное первичное кодирование.

Окончательное распределение статей по тематическим категориям, представленное в таблице 1, установилось по результатам вторичного прочтения всех материалов, в ходе которого одновременно (циклично) (а) сверялась принадлежность статьи к коду и (б) уточнялась инструкция кодировщику, представленная ниже в окончательном виде.

Материалы сгруппированы в три тематические группы. Статьи, где разъясняется содержание и смыслы новых законов, имеют единственное главное коммуникативное – подчеркнуть стабильность и успешность процесса обновления – своевременность, конструктивность и т.п. – законотворческого процесса; контрапунктом выглядят два материала «из регионов», в которых сообщается о судебных / административных коллизиях, поднявших подопечных социальной защиты на активный протест; в обоих случаях принятые (предположительно хорошие и правильные) законы не работают в руках региональной административной и судебной властей. Тематическая группа о важности

развивать межсекторное взаимодействие в сфере социальной работы непременно содержит посыл о том, что силами государства ситуацию не исправить, поэтому государство готово делиться полномочиями и создавать преференции. Наконец, третья тематическая группа составлена материалами, в которых речь идет о расширении сферы ответственности социальной работы: либо за счет включения в нее новых социальных групп в качестве подопечных клиентов, либо за счет расширения зоны ответственности во взаимодействии с привычными категориями подопечных.

ИНСТРУКЦИЯ КОДИРОВЩИКУ

1. К категории **нерелевантных** статей относятся тексты, в которых встречаются наборы от 1 до 4 ключевых лексем, но они описывают объекты, не относящиеся к тематической области социальной работы. В таких текстах выявлены два случая словоупотребления ключевых лексем:

- если атрибут встречается, то он определяет слова, не относящиеся к списку ключевых лексем; иными словами, атрибут и лексема не составляют вместе словосочетания, а входят в разные словосочетания; например: «реформирована система **социального** страхования, начала **работать** программа повышения зарплаты бюджетникам» (Смолякова «Он был лидером аудитории»); «учителя... **работают** в сложных **социальных** условиях» (Борисова «Премия за хулигана»), «За три года **работы** системы... количество пожаров на **социально** значимых объектах...» (Ермаков ««Стрелец» в Крыму спасает детей»);
- ключевые лексемы без атрибута относятся к референтам из иных тематических областей, не входящим в сферу социальной работы; например: «программы **поддержки**» педагогов (Борисова «Премия за хулигана»).

2. К категории **тематически нерелевантных** статей с пертинентным употреблением ключевых лексем отнесены тексты, в которых:

- пертинентные агенты действуют в иных тематических контекстах; например, когда министр труда и **социальной защиты** ведет разговор на смежную тему пенсий (Домчева, Смолякова «Не зря копили»);
- пертинентные объекты упоминаются лишь вскользь, как часть характеристики нетематических объектов: например, когда в критике

негуманной природы капитализма указывается на сложность его репрезентаций: [основная мысль – капитализм бесчеловечен, но он] «нагулял гламур, даже выработал для общества способы **социальной защиты**» (Кичин «Гламур вдребезги»); или когда в разговоре о системе здравоохранения вскользь характеризуют работу **социальных служб** (Грицюк «Обезболивающее»); или когда затраты на социальную сферу сравниваются с другими статьями бюджета (Грицюк «Не "социалка"...»); или когда надежды на «большую **социальную защиту**» среди прочих чаяний связываются с обретением страной (Шотландией) независимости (Юферова «С виски и нефтью...»); а также статьи, сфокусированные на юридических и бюджетных аспектах материнского капитала;

- пертинентные лексемы употребляются для обозначения (в том числе не вполне корректного) непертинентных референтов (нетерминологическое употребление); например, когда под «**социальной поддержкой** в сельских поселениях» имеют в виду «все [что угодно, только не социальную работу. – О.О.] – начиная от газификации сельских территорий и заканчивая библиотеками» (Замахина «Спасты рядового агрария»); «...бороться с **социальными** нахлебниками, способными лежать целыми днями на диванах и "искать **работу**"» (Мирошниченко «Нужно ли пособие...») (оба эти примера взяты из разных статей, написанных разными авторами; общее у них то, что они цитируют премьер-министра Д.А. Медведева).

Все тематически, содержательно релевантные (пертинентные) тексты без остатка подразделяются на два разговора-дискурса. Употребление понятия «дискурс» здесь подразумевает «идею о том, что язык организован в соответствии со структурами, свойственным высказываниям людей в различных сферах социальной жизни» (Филлипс, Йоргенсен 2004:14); более узко под дискурсом здесь понимается все, что говорится и может быть сказано на определенную (под)тему в определенных обстоятельствах – в данном случае совокупность обстоятельств определяется фактом говорения на страницах официального рупора «Российской газеты». Употребление понятия «разговор» здесь подразумевает отказ эмпирически охваченному потоку в статусе самостоятельного, влиятельного и сложившегося дискурса с четкими границами, определяемыми снаружи и изнутри.

3. К **разговору о событиях** относятся тексты, в которых повествование строится вокруг какого-либо одного повседневного события, серийных однотипных событий, либо описания положения дел.

В репортажах и заметках рассматриваются прямые упоминания о социальной работе и смежные сюжеты. Российские материалы сгруппированы по оценке образа социальной работы / социальной защиты: материалы с позитивной, нейтральной и негативной оценкой. Подвыборка из пяти статей о практике социальной работы за рубежом (Великобритания, Германия, Израиль, «весь мир») рисует общую картину: если где-то Россию по институциональному развитию социальной работы и обгоняют, то это отставание форы передовикам не дает, поскольку институциональное развитие не искореняет ни одну из проблем, над решением которой бьются социальные работники по всему миру.

4. К **разговору о законах** относятся тексты, в которых центральным референтом, информационным поводом выступают тексты законов, законопроектов, либо распоряжений исполнительной власти. Принятие законов, подготовка законопроектов, принятие распоряжений исполнительной власти – все это можно рассматривать и как ключевые события для публикации.

Анализ репрезентаций социальной работы как профессиональной деятельности мы начнем с категориально более насыщенного, хотя и представленного меньшим числом публикаций разговора о событиях.

Событийный дискурс: заметки о событиях и репортажи

Вообще повседневные события в «Российской газете» представлены менее интенсивно, чем официальные события. Повседневные события, если и представлены, то в основном, как фон

Позитивный образ социальной защиты

Событие негативное: авария в метро

Органы социальной защиты выступают оператором компенсационных выплат пострадавшим и/или их семьям при крупных авариях. Департамент социальной защиты населения в заметке отождествляется

с «властями», которые «начали выплачивать компенсации родственникам» погибших в аварии, поскольку департамент социальной защиты эти выплаты осуществляет. Клиентами департамента социальной защиты оказываются не только россияне, но и иностранцы, которые попали на территории РФ в трудную ситуацию. В то же время московские социальные работники оказывают помощь в восстановлении документов жителей любого региона РФ. Таким образом, подчеркивается экстерриториальная ответственность социальной работы: на уровне социальных работников зона ответственности распространяется на всю Россию, на уровне департамента — на весь мир:

Московские власти начали выплачивать компенсации родственникам иностранцев, погибших 15 июля [2014 г.] в аварии на Арбатско-Покровской линии подземки. Как сообщила «РГ» замруководителя департамента **социальной защиты** населения Ольга Грачева, всего в том поезде погибло 7 граждан из других государств: 2 из Китая, 2 из Таджикистана и по 1 из Молдавии, Киргизии и Украины, 15 человек получили травмы. [...] В общей сложности из бюджета города в качестве компенсаций выплачено пока 11 млн руб. «Люди не спешат за деньгами, — рассказала Ольга Грачева. — Многим сейчас не до этого, ведь в их семью пришло горе». Есть и сложности. Например, у пяти погибших не оказалось паспортов — то ли сгорели в том же поезде, то ли их просто не нашли. Поэтому **социальные работники** делают все для того, чтобы помочь в их восстановлении независимо от того, идет речь о москвичах или жителях других регионов (Алексеева «*Не важны границы*»).

Упоминание о том, что «люди не спешат» подчеркивает достоинство клиентов социальной работы — горе не заслоняется материальными проблемами, — и одновременно готовность города не экономить, а, следовательно, и возможности социальных служб вести свою работу достойно — без скарденности.

Указание на то, что при всей неспешности обращений уже выплачено 11 млн руб. у рядового читателя может создать впечатление о том, что социальная защита оперирует существенными суммами, что придает значительность и значимость социальной работе.

Социальные работники оказывают помощь и раненым в аварии независимо от места регистрации пострадавших:

Мы навещаем каждого, кто оказался в больницах, независимо от того, москвичи это или нет. Наши сотрудники ежедневно приносят им воду и фрукты, решают все волнующие их вопросы, — продолжала Ольга Грачева. — Выдаем памятки с адресами

Раздел 2

и контактами, куда обращаться за помощью. [...] По поручению мэра города специалисты департамента обследуют нужды каждой семьи, в которой кто-то пострадал. С пострадавшими, которые еще не готовы говорить о своих проблемах, работают психологи (Алексеева *«Не важны границы»*).

Забота строится эшелонированно. Помимо посещения в больнице и простой помощи продуктами, оказывается информационная помощь, требующая квалифицированного понимания ситуации. Выделяется и категория переживающих стресс; таких пациентов профессиональные психологи готовят к общению с социальными работниками. Объектом заботы являются не только пострадавшие, но и их семьи. В чрезвычайной ситуации специалисты департамента действуют по поручению главы города, что придает работе дополнительную значимость.

Объект социальной работы репрезентируется как многогранный и не имеющий четких географических границ, а сама социальная работа – как дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, связанное со сферой власти.

Образ сложной структуры профессиональной деятельности, не знающей границ, сопутствует исключительности события и вмешательству в него мэра специальным (пусть даже, возможно, устным) распоряжением.

Событие позитивное: открылось новое учреждение

Лечебно-реабилитационный центр для детей, страдающих сложными – гематологическими, онкологическими и иммунными и др. – болезнями со статусом «научный» репрезентирует высоко технологичную сцену профессиональной деятельности для социального работника:

Итак «Русское поле», которое отныне лечебно-реабилитационный научный центр, приняло первых пациентов. Для **реабилитации** здесь есть буквально все: 615 ученых, врачей, психологов, педагогов, **социальных работников**, среднего и младшего медицинского персонала. Установлено необходимое оборудование. Правда, врачи ждут, чтобы в центре появилось и оборудование для восстановления утраченных функций мозга, и тренажеры для восстановления моторных функций. [Директор] сказал, что в сентябре на базе центра откроется школа, и значит, ребяташки, проходящие реабилитацию, а она обычно длится месяцами, не будут отставать от своих сверстников в вопросах образования (Краснопольская *«Жизнь впереди»*).

Указание на размер штата (615 чел.) показывает, что социальный работник в принципе может найти себе применение в разделении труда внутри высоко технологичного учреждения. Сложная по технологии дорогостоящая реабилитация вынуждает собирать пациентов в закрытом учреждении, в котором социальный работник, вместе с другими специалистами, призван сконструировать детям, если не полноценную замену естественной среды, то, по крайней мере, обеспечить возможности для возвращения в нее.

Центр вписан в международный контекст. С одной стороны, указывается, что такого центра в мире нигде нет, с другой – есть призыв брать пример с Германии, где оплату за пользование услугами в учреждениях с подобными функциями полностью берет на себя государство (не перекладывая ни на семью, ни на бизнес, ни на НКО).

Социальная работа как профессия вписывается в высоко технологичную среду по обслуживанию достойного объекта – будущего общества, нуждающегося в лечении в настоящем. Статус социального работника в системе разделения труда не высок, но и не на самом дне: далек от ученых и медиков, близок к психологам и учителям, выше среднего и младшего медперсонала; разветвленность профессиональной структуры открывает стремящимся к развитию сотрудникам перспективы для профессионального (пере)профилирования. Вся заметка в целом сфокусирована на профессиональном аспекте занятия.

Отметим и свойственное заметкам по поводу законотворческих и управленческих событий упоминание о «планов громадьё»: центр открыли, но оборудование завезли не все.

Не открыта еще и школа – её открытие приурочено к началу стандартного учебного года, что содержательного смысла не имеет, поскольку у разных детей разные сроки реабилитации и по продолжительности и по календарным датам; очевидно, что поступивших детей уже сразу можно было начинать обучать, однако заметка об открытии центра напечатана в дни школьных каникул, 9 июня; возможно, просто не отражено начало деятельности по организации школы, которую никак нельзя начинать одновременно с началом учебного года.

Описание Центра вписано в международный контекст: это учреждение мирового уровня. Снижает его значимость как типичной

профессиональной сцены для социальных работников упоминание о его уникальности для России.

Социальная защита как рутинный процесс

В одной семье родилась тройня, в другой трое детей сгорели при пожаре

Красноречивый подзаголовок: В районе, где строится космодром [«Восточный»], нет работы для жителей, но есть дорогие джипы для местной власти. Речь идет о Свободненском районе Приамурья, в котором журналист наблюдает «невообразимое переплетение супервысоких технологий и допотопного жизненного уклада»:

Здесь строят космодром «Восточный», в десятках километров от которого целые села не имеют телефонной связи, детских садов, дорог, работы и малейших перспектив на будущее. Тут люди лечатся в неотапливаемых медпунктах, а местные чиновники тратят на покупку служебных авто миллионы рублей. В «космическом» районе у одних родителей, не имеющих работы, родилась тройня. А у других трое малышей сгорели ночью в огне пожара, пока взрослые зарабатывали на жизнь (Ярошенко «Совсем Свободный»).

Первая история о матери пятерых детей, ей 28 лет:

Грустный взгляд в пол, красные отечных стирок руки. За плечами восемь классов образования, ПТУ она не осилила: на втором году обучения вышла замуж. Брак с [...] она так и не зарегистрировала. [Ему] сорок два года, он уже отец семерых детей, от первой жены у него растут два сына.

— Зять алкоголик, может неделю работать, месяц пить. Дети ему вообще не нужны... (Там же).

Социальная защита играет заметную роль и в организации праздничного события:

Тройняшки родились в областном перинатальном центре, домой их привезла районная **соцзащита**, которая на первый месяц жизни обеспечила их смесями и памперсами. Потом была торжественная регистрация новорожденных, цветы, открытки, приятные слова. Глава района подарил холодильник (Там же).

и в обеспечении повседневной жизни:

Родившиеся мальчишки самые главные кормилицы – всех детских выплат и пособий Сазоновы получают 48000 рублей в месяц, говорят, что этих денег на жизнь хватает (Ярошенко «*Совсем Свободный*»).

При этом сама семья живет в запустении, подсобного хозяйства не видно – даже кур не держат; выходит, только на трансферты и живут.

Вторая история о гибели двоих детей при пожаре.

Город Свободный вместе с одноименным районом занимают первое место в Приамурье по числу сирот. За несколько дней до новогодней ночи здесь в пожаре погибли трое маленьких детей. Их родители – сами сироты, оставили малышек с едва ходячей прабабушкой, а сами ушли работать. В ночную смену. [...] [Мать], потерявшая троих детей, в свои двадцать один год сама похожа на ребенка. Бледная, зеленоглазая, тоненькая как стебелек. [...] Она в девять лет осталась без матери. Отца не помнит вообще. У нее не хватает пальцев на руке, чтобы перечислить все приюты и детдома, по которым ее кидало казенное детство. Результатом государственной педагогики стала беременность в 16 лет, к 21 году Нина стала матерью троих детей. Ее муж Антон, старше Нины на пять лет, тоже рано остался без родителей (Там же).

В этой истории роль социальной защиты та же – организация положенных законом выплат, только без праздника: трое детей родились не одним разом. По словам начальника службы соцзащиты, семья не считалась неблагополучной и за помощью не обращалась.

Социальная работа в депрессивной местности показана как механизм по передаче трансфертов – единственного устойчивого источника средств к существованию в условиях запустения и апатии людей к собственной судьбе – даже безработные селяне перестали вести подсобное хозяйство. Этот механизм может давать и позитивные сбои: нештатно доставить мать с тремя новорожденными из райцентра, устроить праздник по случаю события, если его заметит важное лицо, например, губернатор. Социальная работа обеспечивает «малой рыбкой» выживание на территориях, где даже имеющиеся «удочки» из рук повыпадали. И в известном смысле, социальная работа – жизненно важное занятие для территории.

Можно предположить, роль социальных служб повышается в местах, где грандиозные стройки оказываются отделенными

от территории, где безработным работы на этих стройках не достается. Тогда инвестиции лишь порождают такое расслоение, которое сумму социальных капиталов территории приближает к нулю. Тут без социальной работы не обойтись.

Негативный образ: вакуум социальной защиты

Афера с квартирой пожилого человека

В предыдущей истории ни один фигурант не состоял на учете в службах социальной защиты; в одном случае чиновница сама удивилась, почему; в другом случае объяснение нашлось: на учете не стояли, потому что за помощью не обращались, но положенные выплаты получали. Следующий кейс упрочивает представление о слепоте органов социальной защиты к тем, кто сам не обращается за помощью, о том, что органы социальной защиты сами себе работы не ищут, кого бы социально защитить или предоставить помощь.

Это кейс о том, как волонтеры помогли вернуть жилье 87-летнему пенсионеру через суд:

...Год назад маркетолог НН увидела ММ впервые – он топтался на обочине дороги. Выйдя из машины, девушка решила проводить старика домой. Дом пришлось искать долго (пожилой человек с больными глазами плохо ориентировался), и квартира оказалась в жутком состоянии: ни отопления, ни воды. Позже выяснилось, что и эта жилплощадь ММ уже не принадлежит: еще в июне 2011 года он подарил ее «другу» Михаилу Шальнову, хотя сам этого так и не понял. Шальнов, зарегистрировав право собственности на квартиру, тут же ее продал: кстати, покупатель Вадим Лифанский не так давно был осужден за аналогичные махинации. [...] Выяснив эти подробности, волонтеры обратились в прокуратуру. И пока госорганы изучали «историю вопроса», молодежь принялась помогать ММ. О его существовании не подозревали **социальные службы**, он не ходил даже в поликлинику, а пенсию ему перечисляли на банковскую карту (Рузанова «Обманули, как младенца»).

Можно понять, что социальные службы сначала не заметили, что (по словам соседки) «еще до июня 2011 года пожилой человек перестал узнавать окружающих, почти все время улыбался и был... «как младенец»; потом не видели, что в квартире 84-летнего пенсионера нет «ни отопления, ни воды»; не видели, как старик лишился квартиры и побирался на улице.

Социальная работа, как профессия в рамках государственных и муниципальных служб строго регламентирована и в этом своем качестве совершенно не похожа на инициативное волонтерство. Собственно, сама «слепота» к случаям, когда люди попадают в трудные ситуации, но сами не обращаются в социальные службы, свидетельствует о том, что профессионализация социальной работы в России состоялась, а также демонстрирует стиль профессионализации – рационально бюрократический.

Поддержка и реабилитация бездомных

Объемный очерк рассказывает о группе волонтеров, которые в сотрудничестве с православным храмом помогают на Курском вокзале бездомным, в частности, детям. Бездомность, как поясняет активист-волонтер, это «не только отсутствие крыши над головой, это потеря социально значимых связей, разрыв отношений с обществом». Социальные службы упоминаются в очерке несколько раз. Первое упоминание нейтральное; в нем констатируется упоминавшаяся нами выше «слепота» социальных служб к тем, кто к ним не обращается:

Конечно, есть государственные органы **социальной защиты**, которые обязаны помочь, если человек обратится. А если не обратится? Если это – ребенок, который не знает, куда обращаться за помощью? (Выжуртович «Кому нужны бездомные?»).

Композиционно очерк построен так, что нейтральная «слепота» социальных служб имеет шанс на негативную интерпретацию: бездомные дети к волонтерам не обращались, волонтеры сами к ним пришли; и оказалось, что в помощи дети нуждаются; и не только дети.

Бездомные дети доверились волонтерам, которые создали юридическое лицо *только для общения с властями* – для работы на улице – для оказания конкретной помощи – никакого юриста не нужно. В разговоре активиста-волонтера, запечатленного в статье, бездомные дети одинаково чужими воспринимают и представителей органов соцзащиты, и представителей иностранных благотворительных организаций:

– ...Они сразу поняли, что мы не американские спонсоры, а простые люди, и доверились нам, стали правду рассказывать про себя. Я потом смотрю – приезжает представитель официальной организации, они при мне ему врут, занижают свой возраст, чтобы что-нибудь получить в качестве несовершеннолетних. Пацану девятнадцать, а он говорит, что шестнадцать ему: кто лаком дышит, они на несколько лет моложе выглядят.

Раздел 2

- Почему молодежь?
- Развитие останавливается. Физическое – тоже. [...]
- Вам дети доверились, потому что вы были не из органов соцзащиты?
- Наверное. В их глазах мы были тоже как бы с улицы, поскольку никого официально не представляли. Они нам хвалились, что пошли в Армию спасения, что-то украли там. «Не стыдно?» – «Нет. Это же американцы, не вы». У нас сразу сложились доверительные отношения с этими ребятами (Выжурович *«Кому нужны бездомные?»*).

Доверяют простым людям, не доверяют представителям официальных организаций; зарубежные благотворители категоризируются как официальные организации, которые не стыдно обманывать. Один из секретов, возможно, в том, что волонтеры к самим детям не применяют формальных классификаций, в частности, по возрасту. Они не проводят дифференциации, позитивно не дискриминируют несовершеннолетних, значит, и врать им не обязательно.

Другой секрет видится в том, что волонтеры приезжали помогать детям «на их территории»:

Мы к этим детям постоянно ездили под платформу «Серп и молот», где они жили круглый год. [...] Зимой они туда электричество проводили, как-то обогревались. У них даже телевизор ворованный был. Иногда, когда совсем холодно становилось, на чердаки уходили (Там же).

Очевидно, что, находясь на «детской территории», волонтеры могли видеть то, на что представители официальных структур по идее обязаны немедленно реагировать негативными санкциями: нелегально проведенное неоплачиваемое электричество, украденный телевизор...

Но дело не только в этом. Официальные структуры руководствуются, прежде всего, жесткими системами категоризации и правилами, что делает невозможным индивидуальный подход к непредусмотренным инструкциями ситуациям:

Мы девочку Таню четырнадцати лет [лютой зимой] уговорили в больницу лечь, а потом домой вернуться. Чтобы положить ее в больницу, у нас ушло три дня. Нам съели весь мозг. Не брали в больницу, потому что у Тани прописка подмосковная. [...] Они мне целый день морочили голову, под вечер сказали: нет, она

не москвичка, идите отсюда. Тане стало плохо, девочку довели до истерики. В конце концов мы положили ее в больницу, а потом, когда она вылечилась, родители отказались ее забирать. Ее хотела забрать я — мне говорят: вам не можем отдать, вы не представитель ребенка, мы ее выпишем на улицу. Бред какой-то (Выжурович «Кому нужны бездомные?»).

Собственно, доверять можно только тем, кто в состоянии взять на себя ответственность; институциональные правила официальных организаций таковы, что их представителей ждут негативные санкции, если они будут брать на себя ответственность, не предусмотренную правилами. В этом видится ограниченность официальной социальной работы и необходимость ее сотрудничества с общественными инициативами.

Однако бюрократическая организация социальной работы, с точки зрения инициативного волонтера, не только до абсурдности слепа, но и способна нанести опасный вред объекту своей заботы:

До подросткового возраста у Тани была нормальная семья: девочка грамоты получала, спортом занималась. А потом дядя начал пить, потом бабушка, потом мама. Так Таня оказалась под платформой. Потом разом умерли бабушка и дядя. В шестнадцать лет она родила. Они с мальчиком, с которым на улице познакомилась, пытались вместе жить. Мы их поддерживали, помогали им всячески, но все кончилось плачевно: ребенка у них отобрали. В этом органы опеки оказались очень расторопны (Там же).

Формально, описанная ситуация с рождением ребенка двумя несовершеннолетними бродяжками вполне однозначна: для воспитания ребенка, даже для выживания, условий нет. Однако собственная семья для двух социальных сирот, при умной и неформальной внешней поддержке, могла бы дать шанс на социальную сохранность. Ясно, что с точки зрения принятых инструкций поддержка такой семьи — экстремально невозможная мера. Потому была исполнена инструкция, предписывающая полярную крайнюю меру. Расторопность органов опеки, над которой иронизирует волонтер, сообщается ясной и четкой инструкцией, иными словами — профессионализацией социальной работы.

Однако, по словам волонтера, официальные правила опасны не только для несовершеннолетних матерей:

«Кризисные» мамы, беременные немосквички часто не хотят отказываться от детей, но в нашей системе **соцзащиты** все устроено так, чтобы не позволить такой матери забрать из роддома своего ребенка. Недавний случай: бездомная женщина родила

Раздел 2

ребенка, а без паспорта ей его не отдавали. Не могла она без паспорта и пособие на ребенка получить. А начала она восстанавливать паспорт еще до рождения ребенка. Полгода этим занималась. Ей паспорт отдали, только когда она до прокуратуры дошла. Беременной не давали паспорт, родила — не давали. Слава богу, хватило ей терпения и воли добиться паспорта. Людям приходится отказываться от детей, потому что нет документов или негде жить (Выжурович «*Кому нужны бездомные?*»).

Очередным кейсом демонстрируется, что официальная социальная работа регулируется четкими и жесткими правилами, предполагающими использовать определенное количество ресурсов.

Волонтер обозначила цель помощи бездомным детям — отправить домой; если семья недалеко, волонтеры пытаются с семьей уладить домашний конфликт. Но большинство бездомных — убежавшие из детдома:

С ними сложнее всего. Их за побег в психушку на год отправляют. Мы и туда к ним ездили, навешали. Они там как овощи ходят. Одного моего подопечного — его Ваня зовут — тоже якобы за плохое поведение три раза в психушку клали. Дошло до того, что главврач позвонил и сказал: «С ума сошли, мне нормальных детей отправляете! Я напишу в прокуратуру». Батюшка местный, который Ваню крестил, за него заступился, мальчика перестали в психушку посылать. Им очень выгодно ставить диагнозы психиатрические — это дает возможность бесконтрольно «лечить» (Там же).

Высказанная мысль очевидна: формальное следование инструкции позволяет сокращать или перекладывать интеракционные издержки на других институциональных акторов. Волонтеры же принимают эти издержки на себя.

Недоверие к официальным социальным службам проявляется и в собственной речи волонтера:

Вот вам случай. Девочка двенадцати лет лишилась родителей. Ее должны были отправить в детдом, поскольку по закону она не может проживать одна. Квартиру закрыли, запретили там появляться, опечатали. А она не захотела в детдом. [...] Хорошая девочка, просто несчастная. *Государственная забота о ней состояла в том, чтобы до восемнадцати лет не позволить ей жить в своей квартире.* Когда девочке исполнилось восемнадцать, мы помогли ей эту квартиру открыть (Там же).

Фраза курсивом отчетливо показывает противоречивость профессиональной социальной работы.

Основной пафос развернутого кейса состоит в том, что официальная социальная работа видит лишь ту часть реальности, видеть которую позволяют установленные правила. Обратной стороной бюрократической профессионализации социальной работы оказывается неспособность находить индивидуальный подход для разрешения проблемной ситуации. Профессионалу остается либо перекладывать ее решение на смежников, либо, как в случае с новорожденными, рубить гордиевы узлы: не имея возможности помочь роженицам в трудной ситуации и тем самым уберечь их от попадания в опасную зависимость от посторонних, службы опеки изымают детей. Позитивно социальные работники лишь вскользь упоминаются только тогда, когда они появляются на сцене в качестве добровольцев – тех, кто вне и после своей профессиональной занятости имеет право пренебречь регламентами, действовать «не по уставу».

Взятый в негативном ключе, социальный работник, в широком понимании, как представитель профессии «социальная работа», может быть «слепым»: не «замечать» тех, кто нуждается в помощи, если они не обратились, не «замечать» потребностей и тех клиентов, кто за помощью обращается. Источник «слепоты» – обязательное следование регламентам в использовании государственных/муниципальных ресурсов.

В нейтральном ключе социальная работа – рутинный процесс социального вспомоществования, обеспечивающий выживание нуждающихся категорий населения.

В позитивном ключе социальная работа естественно вписывается в глобальный контекст; она ответственна за удовлетворение самых разнообразных человеческих потребностей, то есть, указание на их разнообразие можно найти в регламентирующих документах и дискурсе планов; это дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, которое находит себе место и в высоко технологизированной среде.

Законотворческий дискурс (дискурс законов и управленческих планов)

Материал в данном параграфе организован тематически; внутри топик изложение строится по хронологическому принципу. Львиная доля тематических материалов посвящена событиям законотворческого процесса и законотворческим планам; зачастую дополнительным компонентом регулярно освещаемым в материалах этой категории, выступает деятельность администраций разного уровня.

Таким образом, в самом многочисленном кластере тематических публикаций в РГ социальная работа (социальная защита) упоминается, главным образом, в качестве объекта внимания, в настоящем или будущем, законодательной власти, а во вторую очередь — в качестве объекта внимания исполнительных властей.

Успешность законотворческого процесса

Обновление социального законодательства

Андрей Исаев, председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов, в январской публикации отчитывается о принятии в прошлом (2013 г.) году законов «о страховых и накопительных пенсиях, о специальной оценке условий труда, об основах социального обслуживания населения» (Исаев «Пенсионный возраст»). Фокус внимания в заметке направлен не на содержание принятых законов, а на факт их принятия, которое стало возможным, как отмечает автор, благодаря сотрудничеству с представителями конструктивной, но не во всем согласной, оппозицией и вопреки сопротивлению «либералов из правительства».

Главный итог прошедшего года автор видит в том, что пенсионный возраст не будет повышаться, поскольку принятые законы такого повышения не предусматривают. Для большинства читателей (куда не входят сторонники повышения пенсионного возраста) этот итог создает позитивный фон.

Событийным поводом для заметки, по-видимому, следует считать календарную дату — Новый год, — удобную для подведения итогов.

Сфера социальной работы предстает, как поле острых политических конфликтов, в которых здоровому социально ориентированному прагматизму думских депутатов (по крайней мере, пока) удастся преодолеть сопротивление идеологическому экстремизму либералов от правительства.

Новый закон о социальной защите

Речь идет о Законе «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», вступающем в силу в 2015 году, которым предусмотрено введение «института социальных участковых» и «расширение полномочий социальных работников» (Домчева *«Без спроса не пойдет»*). Более конкретно, речь идет о взаимодействии профессионалов из социальной службы с неблагополучными семьями.

Композиционно статья выстроена так, чтобы, прежде всего, подтвердить широкому читателю незыблемость суверенитета семьи перед лицом возможной интервенцией социального работника в условиях возрастания его полномочий:

С семьями, которые оказались в трудной жизненной ситуации, будут работать соцработники, психологи и наркологи. А детей на время лечения родителей могут временно поместить в приют, но только по добровольному согласию их мам и пап (Домчева *«Без спроса не пойдет»*).

Заголовок статьи *«Без спроса не пойдет»* тоже отсылает к заботе о нежелательной для взрослых членов семьи активности социального работника по отношению к несовершеннолетним. Озвучивание этих озабоченностей мы встречали и в событийном дискурсе.

Сразу хочу отметить [говорит директор департамента демографической политики и социальной защиты населения Минтруда России], что о ювенальной юстиции речи здесь не идет. Социальные работники будут помогать только тем людям, кто сам откроет дверь и попросит о помощи. Для них будет составлена индивидуальная программа, в рамках которой с родителями и детьми начнут работать семейные или социальные психологи, а если понадобится, и наркологи. — Ребят из семьи мы можем забрать только в том случае, если об этом попросят сами родители. У нас есть специальные полустационары, где до полугода могут жить и учиться дети. В них сейчас находятся беспризорники, которых мы подбираем на улицах. Это единственный случай, когда мы ребенка можем взять, не имея соответствующего обращения от родителей или законного представителя (Там же).

Социальный работник поддерживается смежниками – семейными или социальными психологами, «а если понадобится», то и наркологами; присутствие последних указывает на то, что речь идет об особо тяжелых случаях наркологической зависимости, где без интервенции нигде не обходятся.

В описании способа интервенции обнаруживается, что изъятые (с согласия родителей) дети помещаются в «специальные полустационары» и институционально приравниваются к категории «беспризорников», которые «подбираются на улицах» без «соответствующего обращения от родителей или законного представителя». Вопрос о стиле взаимодействия социального работника в социальном пространстве полустационара освещения не получает.

Другим объектом заботы обозначены «мамы с детьми» из «трудных» семей:

Кроме того, мамам с детьми из «трудных» семей мы поможем обратиться в закрытые кризисные центры, где их не найдет пьющий и бьющий папа. Если нужно их расселить, тоже поможем. А если нужна помощь в занятости, сотрудник подберет место работы, либо направит на профессиональное обучение. Также поможем с юридическими вопросами, оформлением документов, получением пособий и так далее (Домчева «*Без спроса не зайдет*»).

По существу, речь идет о предоставлении уязвимым мамам с детьми комплекса услуг, который предусмотрен вынужденным переселенцам — документы, жилье, работа; минимальное обустройство на новом месте.

Условия для интервенции — кризисные ситуации:

Например, взрослые члены семьи — наркоманы или алкоголики; родители и дети не могут найти общий язык; в доме постоянная агрессия... Но социальные психологи должны понимать: что для одной семьи кризис, то для другой — нормальная жизнь. Самое плохое — это вмешаться в личное пространство человека. Мы это не будем делать (Там же).

В этом описании информанта кризисная ситуация определяется не объективно, не с позиции внешнего наблюдателя, а с позиции наблюдателя внутреннего, субъективно; социальному работнику предписана позиция понимающего социолога — в веберовской трактовке.

Диаметрально противоположным образом, в объективистской перспективе внешнего наблюдателя предстают полномочия социальных служб в разговоре о новой фигуре, предусмотренной новым законом, фигуре социального участкового:

Будет создана так называемая участковая социальная служба, в которую войдут не совсем обычные сотрудники, а социальные участковые. Они должны хорошо знать свой район — где кто живет и в чем нуждается. [...] Социальные участковые будут

определять потребности человека. Кроме того, если им станет известно о фактах, например, жестокого обращения или плохого ухода за детьми, они смогут обратить на это внимание органов опеки и полиции (Домчева *«Без спроса не зайдет»*).

Перспектива «обращать внимание органов опеки и полиции», например, на факты «жестокого обращения или плохого ухода за детьми» дает понимание технологии возможной интервенции: самому без спроса заходить не обязательно, если можно привлечь для этого смежников.

Заманчивая перспектива «определять потребности человека» таит в себе потенциал для самоуважения тех, кто займет позиции социальных участковых. В их компетенцию, согласно новому закону, составление специальной программы, которую эксперт назвала международным словом «дорожной картой» оказания помощи, для каждого нуждающегося. В этой новой компетенции эксперт увидела метод, который позволит «перестроить всю систему предоставления социального обслуживания, выдвинув на первый план решения проблем конкретного человека», т.е. *выдвинуть на первый план то, что, согласно материалам событийного дискурса, составляет досадную слабость государственной системы социального обслуживания.*

В этой перестройке видится важным, во-первых, то, что за подопечным не «семь няnek» присматривают, а одна, которая несет универсальную ответственность за фиксирование (!) всех аспектов благополучия. Во-вторых, включение в перечень таких услуг, которые «никогда не входили в систему соцобслуживания»:

Это помощь в здравоохранении, образовании, занятости. Этот перечень зависит от индивидуальных потребностей льготника — люди-то разные. Есть такие, кто не выходит из квартиры, и им, как правило, очень не хватает общения. Для них **социальный работник становится родным** (Там же).

В последней фразе бюрократический язык явно смешивается с языком неформальных отношений: не представляется возможным регламентировать оказание услуги общения — при каких условиях можно считать, что она предоставлена. Эксперт дает понять, что новый закон, по ее мнению, будет работать на гуманизацию социального обслуживания населения. Смешение языков (дискурсов) указывает на вызов, который закон ставит перед отраслевыми специалистами.

Естественным образом, возникает вопрос о гарантиях того, что предусмотренные законом услуги будут удовлетворять подопечных; журналист его и озвучивает, однако получает ответ на другой вопрос:

Раздел 2

Журналист: А если кто-то останется недоволен оказанными услугами?

Эксперт: Здесь важно сказать, что человек вправе сам выбирать поставщика услуг. В индивидуальной программе ему дается перечень рекомендованных организаций как государственных, так и негосударственных, он сможет выбрать любую. Местные власти должны будут составить реестр организаций **социального обслуживания** всех организационно-правовых форм, которые **работают** на территории субъекта. Безусловно, для негосударственных организаций включение в реестр добровольное (Домчева «*Без спроса не пойдет*»).

Сам по себе выбор поставщика будущей услуги не обязательно гарантирует удовлетворенность прошлыми и будущими услугами. Здесь эксперту важно указать на два предусмотренных законом новшества: (1) создание реестра отраслевых организаций, которые будут рейтинговаться по качеству предоставляемых услуг независимым агентством, (2) допуск на рынок (или даже создание рынка за счет допуска) социальных услуг некоммерческих организаций. Это — явно модернизирующий отрасль шаг, способный расширить профессиональные горизонты социальных работников. Межсекторная поддержка и конкуренция, расширение перечня услуг открывает возможности для рыночно обоснованного расширения платных услуг, что также может работать на профессиональную дифференциацию (развитие) в отрасли.

Финальный аккорд: в условиях, когда целые занятия уходят с рынка труда вместе с сокращающимися рабочими местами, эксперт предвидит, что количество социальных работников будет увеличиваться по объективным причинам:

Во-первых, из-за старения населения будет все больше тех, кто в таких услугах нуждается. Во-вторых, **социальное обслуживание** выходит на новый уровень качества предоставления услуг, и, соответственно, будет все больше людей, которые захотят, в том числе и платно, ими воспользоваться. Я могу привести пример: совершенно здоровый человек сломал ногу и не может дойти до магазина. Почему бы в этом случае не обратиться за **помощью к социальному участковому?** (Там же).

Таким образом, новый закон хорошо отражает объективные процессы старения в обществе; Россия идет в ногу с теми развитыми странами, которые также переживают старение населения и расширение сферы социальной работы; закон

предполагает улучшения в отрасли за счет ее (дальнейшей) социализации (обобществления) и модернизации: за счет организации межсекторного взаимодействия на основе комбинации административных и рыночных механизмов.

Кодификация государственных (муниципальных) услуг

Сообщение об унификации формирования и ведения базовых (отраслевых) перечней государственных и муниципальных услуг и работ (Козлова «Услуги разложат по полочкам») сообщает читателю о дальнейшей модернизации отрасли. Его важность для повседневной жизни разъясняется читателям:

Услуги, о которых говорится в правительственном документе, — это по сути главное, что граждане хотят от местной власти в регионах. — То есть речь идет об огромном и важном секторе работы чиновников. Например, о поддержании порядка и распределении мест в дошкольных учреждениях — садиках и яслях. Не надо забывать, что одна из важнейших государственных услуг — это пособие российским семьям на детей. А также оказание **социальной поддержки и помощи** тем, кто в этом нуждается. И здесь список госуслуг достаточно широк — от льгот для обыкновенных пенсионеров и ветеранов труда до помощи многодетным семьям (Козлова «Услуги разложат по полочкам»).

Поясняется и суть проблемы: зачем нужно было издавать специальный правительственный документ:

Отсутствие унифицированного подхода к определению однотипных услуг и работ [...] привело [...] к [...тому, что] одинаковые по сути услуги и работы имеют в разных регионах различные наименования, как говорят специалисты — степень детализации, что «в конечном счете не позволяет сравнивать данные услуги и работы по их стоимости, качеству и объему», — сказано в документе (Там же).

Новый документ позволит (а) проверять, что именно получают граждане и (б) «существенно упростить работу по финансовому обеспечению государственного задания для каждого учреждения».

Иными словами, документ открывает возможности для объективной проверки перечня и качества предоставляемых государственных (муниципальных) услуг – в том числе и по социальной защите населения, – что, в свою очередь, будет способствовать бюрократической профессионализации отрасли.

Законопроекты об инвалидах

В статье «Больше комфорта для инвалидов» говорится о внесении в Государственную Думу законопроекта, предусматривающего изменение сразу 25 федеральных законов, касающихся «реализации прав инвалидов в **сферах социальной защиты**, культуры, транспорта, здравоохранения, информации и связи, жилищной политики». Смысл этой инициативы объясняется необходимостью привести российское законодательство в соответствие с Конвенцией ООН о правах инвалидов, ратифицированной РФ в 2012 году (Исаев «*Больше комфорта для инвалидов*»).

Содержание изменений изложено в весьма обтекаемых фразах:

...предусмотреть условия совершенствования механизмов реабилитации и установления групп инвалидности, что позволит сделать медико-социальную экспертизу и реабилитацию более адресной, объективной и прозрачной.

...конкретизировать основные условия обеспечения доступности объектов и услуг для инвалидов с учетом имеющихся у них ограничений жизнедеятельности, в том числе определить особенности их обслуживания на наземном транспорте, особенности предоставления им услуг связи (Там же).

Наиболее внятно изложенное мероприятие – создание информационной системы, «федерального реестра людей с ограниченными возможностями как общегосударственного механизма персонифицированной оценки эффективности их реабилитации»:

В эту информационную систему предлагается включить не только персональные данные того или иного инвалида, но и сведения о проводимых в отношении него **реабилитационных** мероприятиях, о предоставляемых ему мерах **социальной поддержки**, о его трудовой деятельности (Там же).

Также сообщается, что к настоящему моменту ГД уже приняла 10 законов, обеспечивающих права инвалидов.

Здесь выражены 2 основных смысла: (1) законодательство улучшает социальное обеспечение инвалидов; (2) улучшение производится в соответствии с международными гуманитарными нормами, которым Россия стремится соответствовать. Тем самым вся отрасль социальной работы вписывается в международный контекст.

Тему продолжает публикация, приуроченная к Международному дню пожилых людей (1 октября). По квалификации ООН Россия относится к числу стареющих наций – наций, у которых доля населения старше 65 лет превышает 7%; в России таких людей около 13% и будет еще больше, потому что растет (и будет расти) средняя продолжительность жизни. Дело не ограничивается достижением статистических показателей; речь идет о смене отношения к третьему возрасту со стороны государства и общества:

В отличие от предыдущей эпохи, когда пожилой человек просто доживал и занимался воспитанием внуков, помогал по домашнему хозяйству, сегодня он полноценный гражданин и член общества. На этом должна быть построена вся наша **работа**: и пенсионная политика, и **социальная поддержка**, и вовлечение пожилых в трудовую деятельность (Исаев «*День пожилых людей*»).

В этой смене парадигм Россия идет в ногу со всем миром, на что намекает упоминание классификации ООН.

Есть и локальный контекст – интерес к электоральной активности:

Граждане пожилого возраста активны. В частности, они активнее всех голосуют на выборах (Там же).

Кроме того многие пенсионеры продолжают трудиться и осваивать ИКТ:

Так, сегодня в России работает каждый третий пенсионер. В последние годы начинают функционировать так называемые университеты третьего возраста, которые готовят пожилых людей для работы по новым специальностям, обучают их компьютерным технологиям (Там же).

То есть запрос на изменение отношения к себе выражают сами пенсионеры.

Законодатели уже отвечают на этот запрос:

- в прошлом году нами принят закон, запрещающий дискриминацию по возрасту в объявлениях о вакантных рабочих местах;
- мы отстаивали право работающих пенсионеров получать пенсию в полном объеме при сохранении зарплаты;
- с пенсионерами по возрасту, продолжающими работать на прежнем месте, не заключается срочный трудовой договор, они трудятся на основании бессрочного договора;

- в то же время мы через срочные договоры для вновь поступающих на работу пенсионеров в большей степени открыли для них рынок труда;
- нами было принято решение о том, что ни один пенсионер не может получать пенсию ниже прожиточного минимума (Исаев «*День пожилых людей*»).

По поручению Президента РФ запланированы:

ликвидация к 2018 году очереди в стационарные учреждения соцобслуживания, оказание **поддержки** семьям, ухаживающим за гражданами пожилого возраста без **помощи социальных служб**, развитие системы медицинских и бытовых услуг на дому и т.д. (Там же).

Таким образом, обзор изменений в законодательстве о пожилых (первая статья) дополняется развернутым описанием новой российской «философии» отношений к пожилым людям (вторая публикация), которая провозглашает смену ориентации с обеспечения дожития (количественные статпоказатели) на поддержку социальной активности (качество жизни).

Общий пафос: социальная защита пожилых планируется в ногу с передовыми – стареющими – странами мира; Россия ориентируется на международное сообщество.

Развитие межсекторного взаимодействия

За участие бизнеса в защите семьи, материнства и детства

Программное содержание материала выражено подзаголовком: «К решению проблем детства в стране активно подключаются региональные власти и бизнес» (Розова «*Больше семей...*»). Это означает, что решение проблем уже идет полным ходом, но шло не на уровне регионов. Проблема решалась на федеральном уровне, на что указывает результат: «в стране в прошлом году впервые за последние двадцать лет зафиксирован естественный прирост населения – родилось 1,901 млн детишек, почти на 5 тысяч больше, чем в 2012-м» (Там же). Вывод о том, что «теперь дошли руки и до конкретного решения данной проблемы», т.е. на уровне регионов, основывается на факте: «на днях в Череповце заседание Президиума Государственного совета РФ». На заседании Госсовета Президент обозначил

«приоритетные социальные задачи»: «создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи». Эти задачи входят в профессиональную сферу социальной работы.

Примером для регионов, как включаться в работу, представляется Самарская область, где «за последние три года количество малоимущих семей с детьми уменьшилось почти в два раза». В материале упоминается два фактора позитивной динамики — создание благоприятных институциональных условий: финансирование соответствующих целевых программ:

Всего в Самарской области оказывается 27 видов **социальной помощи** для семей с детьми. Ими охвачено 200 тысяч семей. Общий объем финансирования этих программ в прошлом году составил 2,9 млрд рублей, а на 2014 год запланировано уже более 3,6 млрд (Розова *«Больше семей...»*).

Второй фактор — программы бизнеса по охране материнства и детства, которые нацелены как на своих сотрудников, так и на регионы присутствия; речь идет исключительно о крупных компаниях, которым под силу реализовывать программы.

Материал завершается (а) прогнозом:

Вектор семейной политики в ближайшее время будет направлен преимущественно в сторону заботы о тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации и нуждается в **социальной защите** (Там же).

и (б) обращением к «социально ответственному бизнесу»:

Одной только государственной **поддержки социально незащищенных семей** недостаточно. Решить эти проблемы можно, объединив усилия государства, региональных властей, различных организаций и фондов, а также бизнеса, который обязан не только обеспечить достойный уровень зарплаты своих работников, но и заботиться о физическом и нравственном здоровье их семей и всего общества (Там же).

Социальная ответственность бизнеса, как видим, в предложенной трактовке распространяется на благополучие всех членов общества. Упомянуты агентства и третьего сектора, однако источник финансирования «различных организаций и фондов» подразумевается тоже бизнес.

В материале ничего не говорится о собственно профессиональной стороне социальной работы; все внимание сосредоточено на финансовых предпосылках для создания институциональных условий, благоприятствующих профессионализации социальной работы.

За участие бизнеса в социальном обслуживании инвалидов

Призыв к бизнесу идти в сферу социального обслуживания

Отражены отраслевые успехи: в 2013 г. «для лиц с ограниченными возможностями появилось более 14,5 тысячи новых рабочих мест» (Петров «Кабинеты застрахованных»). На эти мероприятия регионы получают ресурсы из федерального бюджета. Но главное в статье — планы по обновлению нормативной базы:

Мы готовим большой законопроект, который предполагает внесение изменений в двадцать с лишним законов по вопросу, связанному с обеспечением доступности услуг для лиц с ограниченными возможностями (Петров «Кабинеты застрахованных»).

В том числе, внести «поправки в действующие законы об избирательном праве, транспорте, СМИ»; т.е. предполагается широкий охват, выходящий за пределы социальной работы. Недостаток прежнего законодательства видится в недостатке регулирующей силы:

...нормы, прописанные в нынешнем законодательстве, носят лишь рекомендательный характер, а технология оказания услуг инвалидам с различной степенью инвалидности практически отсутствует. «Необходима такая правовая база, которая позволит выработать четкие критерии по улучшению качества жизни лиц с ограниченными возможностями. [...] В Минтруде надеются, что после принятия документа у работодателей и разных видов служб появится более ясная модель взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями. А это в свою очередь приведет к тому, что оказание им помощи на должном уровне станет наконец обиходом и нормой жизни (Там же).

С обеспечением оказания инвалидам «помощи на должном уровне» связана конкретная задача — привлечь частный бизнес в сектор социального обслуживания и социальных услуг; привлечь за счет упрощения доступа бизнеса в сферу социального обслуживания:

...подготовлены соответствующие поправки в СанПиНы для исключения излишних норм регулирования, которые мешают коммерческому сектору включаться в работу по социальному обслуживанию. Кроме того, Минтруд совместно с Минфином прорабатывает возможность облегчения для негосударственных

компаний, которые присоединятся к оказанию социальных услуг населению, налога на прибыль. Министр считает, что это также позволит упростить доступ бизнеса в сферу социального обслуживания (Петров «Кабинеты застрахованных»).

Признается дефицит в технологиях, позволяющих «на должном уровне» оказывать услуги инвалидам дифференцированно в зависимости от категории инвалидности, в критериях «по улучшению качества жизни лиц с ограниченными возможностями», в «ясной модели взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями». Тем самым признаются дефициты в институциональной организации социальной работы как профессии, не позволяющие на должном уровне осваивать выделяемые финансовые ресурсы. Кроме того, исполнительная власть обозначила готовность на законодательном уровне упростить доступ бизнеса в сферу социального обслуживания.

Таким образом, качество обслуживания инвалидов планируется повышать одновременно за счет (1) налоговой либерализации для бизнеса и (2) ужесточения стандартов обслуживания.

За партнерство между государством и бизнесом

Межсекторное взаимодействие способно обеспечить успешное выполнение «майских указов» главы государства на уровне региона; примером служат достижения Омской области в сфере дошкольного образования и в организации попечительства пожилых людей.

Глава региона уверил, что не забывают в области и о **социальной сфере**: в дошкольных учреждениях только за 2013 год создали свыше 5 тысяч новых мест. При этом более 600 из них создали частные предприниматели, и столько же – создадут в этом году. Конечно, на условиях софинансирования из бюджета (Замахина «Дорожные карты"...»).

На тех же условиях софинансирования из бюджета привлекаются частные предприятия и НКО в сферу обслуживания пожилых людей:

...в Омской области создают частные дома для престарелых. Развивают в регионе и новый формат – создание приемной семьи для лиц преклонного возраста. Для бюджета это экономия. Семьи, которые принимают к себе стариков, получают 18 тыс. рублей в месяц. При этом содержание в доме престарелых стоит около 30 тыс. рублей (Там же).

Условия содержания пожилых людей в этих новых форматах «несколько раз в неделю проверяет социальный работник»: *«Если малейшее замечание, практически сразу же прекращаем эту программу»*, – заверил губернатор (Замахина «*Дорожные карты*...»).

Из другого материала читателю узнают, что о планах региона организовать государственно-частное партнерство для организации приютов для бездомных: субсидировать предоставление временного приюта бездомным и безработным.

Только, по официальным данным, на территории Омской области пребывает более 7,5 тысячи людей без определенного места жительства, но специалисты полагают, что на самом деле их в три раза больше. Живут эти люди без прописки в подлежащих сносу домах, заброшенных дачах, подвалах, на чердаках, в землянках вблизи городских свалок, то есть там, где есть шанс не умереть с голоду. Оказать им помощь – накормить, дать ночлег, восстановить документы, найти родственников – некому.

Единственный в своем роде Центр **социальной адаптации** имеет весьма ограниченные возможности, поэтому принимают туда только инвалидов и вчерашних заключенных. Чиновники надеются, что приюты, созданные в тандеме с бизнесменами, помогут сделать проблемы бездомных людей менее острыми (Сибина «*Пустите переночевать*»).

По существу, речь идет о создании дополнительных рабочих мест для специалистов по социальной работе и социальных работников за счет второго сектора.

Привлечение в социальное обслуживание частных предприятий, НКО и семей позволяет (1) экономить бюджет, (2) вовлекать жителей в общественно полезную деятельность социального обслуживания в соответствии с требованиями профессиональных стандартов, (3) концентрировать в органах социальной защиты населения контролирующие функции.

Рыночные механизмы в оказании социальной помощи

Государственно-частное партнерство открывает возможности для внедрения рыночных механизмов, работающих на обеспечение социальной защиты малоимущих. О планах минпромторга внедрить в регионы России «продовольственные карточки для малоимущих» спрашивает журналист; чиновник отвечает, что это – дезинформация; поскольку

речь идет не о продовольственных карточках в советском понимании, а о *foodstamps*, как в США; эта система уже внедрена в Москве:

Чиновник: ...Аналогичный механизм введен в Москве еще полтора года назад. Практикуется оказание финансовой помощи малоимущим гражданам. Эти средства могут быть потрачены только на приобретение продуктов питания – свежих и скоропортящихся. Такая адресная **социальная помощь** доказала свою эффективность. Введение этой помощи на всей территории России требует определенных технологических решений. Однако при наличии политической воли, безусловно, все достижимо.

Журналист: Кто будет определять, кому положена такая поддержка?

Чиновник: Органы **соцзащиты** населения, исходя из комплекса обстоятельств: структура питания, доходы на члена домохозяйства, доля расходов на питание в семье. Помимо этого могут быть подключены к программе и иные категории по иному признаку, например по соцгруппам – дети, бюджетники, пенсионеры и т.п. (Зыкова «Идем на рынок»).

Социальная помощь упоминается в контексте рыночных, коммерческих отношений – организации сбыта свежих (скоропортящихся) продуктов питания не низкого качества. Отрицается связь социальной поддержки с советским режимом, образцом служат передовые, развитые страны.

В материале речь идет не просто о благих прожекта, поскольку в передовой для России Москве предложенные механизмы показали свою эффективность на практике.

Органы соцзащиты населения будут только определять, кто достоин льготного приобретения свежих продуктов в широком ассортименте; осуществлять торговлю будут предприниматели.

Минпромторг создает для этого «оптовые распределительные центры под эгидой государства», прибегая к услугам которого

...любой мелкий и крупный производитель при единственном профессиональном посреднике сможет предложить свой товар для розничных торговцев любого формата (Там же).

Таким образом, у предлагаемой формы адресной социальной поддержки мощная экономическая база с собственной инфраструктурой, работающей по рыночным правилам.

Принципиально важный аспект: речь идет о социальной защите не как об обеспечении выживания, а как о повышении качества жизни:

Раздел 2

А сегодня в мире оказывается адресная помощь нуждающимся, основной посыл которой – дать возможность улучшить питание. Их основная проблема – не голод как таковой, а недостаток свежих продуктов (Зыкова «Идем на рынок»).

«Не голод как таковой, а недостаток свежих продуктов» демонстрирует ориентацию на качество жизни; возможно, такая ориентация коррелирует и с обозначенным адресным подходом, и с опорой на рыночные механизмы координации? Иными словами, возможно, что ориентация на выживание идет рука об руку с администрированием и знаменует собой сильнейший дефицит ресурсов, не позволяющий думать о качестве жизни для низших слоев населения¹.

Государственно-частное партнерство открывает возможности для внедрения рыночных механизмов, работающих на обеспечение адресной социальной поддержки малоимущих и имеющих собственную рыночную инфраструктуру.

Использование рыночных механизмов координации позволяет ориентироваться не на выживание подопечных, а на обеспечение некоторого уровня качества жизни, отличающегося от минимально необходимого для выживания.

За участие третьего сектора в социальном обслуживании

Призыв премьер-министра Дмитрия Медведева налаживать «полноценное сотрудничество между гражданским обществом и государством» в решении социальных вопросов приурочен к открытию зимних Паралимпийских игр в Сочи, где была реализована государственная программа «Доступная среда»:

«Само государство, каким бы оно ни было умелым, эффективным, все равно с этими задачами не справится», – заявил Медведев. «Оно и раньше – в советские времена – не могло справиться, ни тем более сегодня» (Кузьмин «Годы адаптации»).

Система государственной поддержки людей с ограниченными возможностями получила весьма скромную оценку премьер-министра:

«Мы только стараемся перейти на цивилизованные рельсы в решении этих вопросов» (Там же).

¹ См. идею раздаточной экономики Бессоновой.

В качестве примера такого решения глава Кабмина привел Сочи, который специально готовили под Паралимпиаду.

«Но страна у нас большая, и стандарты доступности, условия для развития того же самого паралимпийского спорта нужно создать не только в Сочи, нужно создать и в других местах», – заявил премьер-министр представителям общественных и волонтерских организаций, социальных учреждений, компаний и фондов, помогающих людям (Кузьмин «Годы адаптации»).

Смысл таков: доступную для инвалидов среду с помощью специального олимпийского бюджета государство организовать смогло, а системе государственной поддержки людей с ограниченными возможностями еще только предстоит перейти «на цивилизованные рельсы». Чтобы по всей большой стране среда стала пригодной для жизни инвалидов, необходимо содействие некоммерческого сектора и волонтерского движения; на государство в этом рассчитывать нельзя.

Так намечено специфическое направление профессионализации социальной работы «на цивилизованных рельсах» – налаживание взаимодействий с третьим сектором.

Продолжает тему другой материал, в котором речь идет о приращении сферы социальной работы церковными (православными) НКО за счет расширения возможностей на получение государственного финансирования:

Привлечение государством некоммерческих организаций к **работе в социальной сфере** и финансирование этой **работы** во многих странах мира является нормой вещей. В основе взаимодействия Церкви и государства в России сегодня лежит принцип партнерства. Уже несколько лет религиозные НКО могут участвовать в конкурсах по получению государственного финансирования на свою социально значимую деятельность (Новоселова «Городу и миру»).

Основа партнерства видится в том, что и Церковь, и государство несут ответственность за все общество, хотя и по-разному:

...возможные сферы совместного приложения усилий Церкви и государства – это фактические все те стороны общественной жизни, которые волнуют христианина. А это не только помощь бездомным и инвалидам, не только вопросы межнациональных, межрелигиозных отношений, но также и проблемы, связанные с защитой традиционных нравственных ценностей, вопросами

патриотического воспитания и образования молодежи, популяризацией трезвости и здорового образа жизни, это также различные общественные инициативы по поддержке людей, живущих на Дальнем Востоке, поддержке русского народа, заботой об окружающей среде, а также многие другие проекты (Новоселова «Городу и миру»).

Участие Православной церкви в поддержке социально значимых проектов государства не отрицает и участия бизнеса, который может привлекаться как государством, так и церковью; это – один из аргументов, почему «широкая общественная деятельность Церкви выгодна государству». Представитель Церкви подчеркивает:

Социально-ответственный бизнес начинает понимать, что извлечение прибыли не может и не должно быть единственной целью предприятия, что необходимо вкладывать средства и в те области, которые, не являясь финансово прибыльными, тем не менее являются первостепенными для гармоничного общественного развития (Фалалеев «*Не доводи до греха*»).

Предложена и идеологическая основа для межсекторного взаимодействия: гармоничное общественное развитие.

Снова видим специфическое направление профессионализации социальной работы – налаживание взаимодействий с третьим сектором. Внутри третьего сектора обозначен возможный влиятельный союзник государства – церковь, – способный мобилизовать на участие в государственных социальных проектах бизнес.

Транспарентность оценки качества работы социальной сферы

Тему межсекторного взаимодействия, сочетания администрирования, рыночных механизмов и общественного участия продолжает серия публикаций о проекте федерального закона о проведении независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования (Домчева «*К терапевту...*»; Исаев «*Как повысить качество...*»; Исаев «*Новости о независимой оценке...*»; Зыкова «*ЕГЭ для детсада*»; Домчева «*Школам поставят оценку*»).

Проект предусматривает создание общественных советов, которые будут наблюдать за качеством предоставления социальных услуг; их по статистике насчитывается «более 160 тысяч социальных организаций

различной специализации». Таким образом, социальная поддержка вписывается в контекст развития гражданского общества: (1) за счет общественных советов – создания действующих структур ГО; (2) за счет повышения качества функционирования «социальных организаций» – повышения прозрачности их деятельности; оплату труда в отрасли, видимо, нельзя повысить без расширенного внедрения платных услуг, отсюда логично внедрение прозрачности.

В разных публикациях проблематизируются разные аспекты инновации. Так, стремление повысить качество социальных услуг увязывается с необходимостью увеличить заработную плату работникам социальной сферы, что видится невозможным без расширения предложения платных услуг. Но оплату нельзя повышать без контроля качества. Поэтому:

В законопроекте предусмотрены требования к открытости и доступности информации о деятельности организаций социальной сферы, среди которых – копии документов о порядке предоставления услуг за плату (Исаев «*Как повысить качество...*»).

Таким образом, мы имеем смычку между участием агентств гражданского общества в оценке качества услуг, расширением платных услуг (коммерциализацией) и профессионализацией социальных работников.

После утверждения законопроекта в качестве закона выражается надежда на существенное улучшение в сфере услуг:

С 21 октября (2014) в России можно будет проводить независимую оценку качества работы школ, вузов, больниц, поликлиник, библиотек, музеев и так далее. То есть всех организаций, оказывающих гражданам услуги в **сфере культуры, социального обслуживания**, охраны здоровья и образования. ... Граждане благодаря этому закону должны, по идее, получать более качественные **социальные услуги**, а **работники социальных учреждений** тщательнее и ответственнее станут относиться к своей **работе**, зная, что меры контроля за ними ужесточились... (Зыкова «*ЕГЭ для детсада*»)

Эта надежда связана с внедрением процедур объективной и тотальной общественной оценки качества предоставляемых услуг:

Оцениваться будет качество **работы** всех учреждений **социального обслуживания**, здравоохранения, образования и культуры. К примеру, это центры **социальной помощи**, поликлиники, больницы, медицинские центры, школы, детские сады, библиотеки, театры и т.д. Предполагается, что в основном это будут, конечно, бюджетные государственные и муниципальные организации.

Раздел 2

Но оценивать можно будет и частные организации, которые оказывают госуслуги. Сейчас они по большей части работают в области здравоохранения и образования. Например, частные детские сады. Негосударственные организации оказывают услуги населению и в **сфере социального обслуживания**, их сегодня немного – около 1,8% от общего числа, но планируется в ближайшие три года увеличить этот показатель почти в три раза (Домчева «Школам поставят оценку»).

Профессионализацией будет охвачено не менее девять миллионов человек – именно столько занятых в социальной сфере:

Это очень большой сегмент рынка труда. И очень важно обеспечивать эффективность **социальной сферы** (Там же).

С повышением качества связывается расширение предоставления электронных услуг: «возможность записаться на прием к врачу, в детский сад, школу, онлайн-бронирование билетов в театр, «электронные библиотеки»...», что предполагает увеличение в социальной сфере рабочих мест для специалистов в ИКТ.

Центральной процедурой объективной и тотальной оценки качества предоставляемых услуг видится общественное рейтингование учреждений:

Составление рейтинга чрезвычайно важно для выявления слабых мест в **работе социальных учреждений** как государственных, так и частных. За границей такая практика привычна. В Канаде, например, на протяжении 20 лет ежегодно проводятся опросы населения, выявляется, насколько люди удовлетворены **работой...**(Там же)

Внедрение идеи рейтингов, основанных на данных опросов отраслевых специалистов и обычных клиентов, знаменует ориентацию на лучшие мировые образцы социальной работы, которые предполагают координированное и взаимное развитие всех трех секторов, итогом которого ожидается профессионализация социальной работы.

Направления по расширению сферы социальной работы

Новины ФСИН

В ряде публикаций говорится о возможности реформирования детских и подростковых пенитенциарных учреждений в учреждения социальной работы. Фактически речь идет о включении в непосредственную профессиональную сферу социальной работы категории населения,

которая лишь косвенно в нее входит в настоящее время. С одной стороны, эта тенденция видится как гуманизация пенитенциарной системы, с другой – как мощный стимул к дальнейшей профессионализации социальной работы в России. Социальные работники приходят на территорию, подведомственную Министерству юстиции.

Министерство юстиции России приступило к разработке законопроекта, который заставляет проводить социально-психологическое обследование подростка при решении вопроса о его аресте. Возможно, психологи и педагоги не согласятся с мнением следователя, что парня (девушку) надо закрыть в камере, тогда суд должен это учесть. ...это попытка поработать с осужденным по-доброму, помочь ему найти место в жизни. Срабатывает не всегда, иного преступника ничего не исправит. Но шанс все-таки человеку дается (Куликов *«Не дорос до тюрьмы»*).

Вместо камеры и воспитательных колоний в стране предполагается открыть 35 воспитательных центров, которые «не должны быть похожи на тюрьму»:

Главное отличие воспитательного центра от колонии в том, что упор предполагается сделать на **социальной**, психологической и воспитательной **работе** с несовершеннолетними. Поэтому здесь увеличится численность психологов и **социальных работников** (Там же).

Реформа разрабатывается с учетом мирового опыта: «тюремное ведомство активно изучало в том числе опыт Швейцарии».

Другая публикация, вышедшая полгода спустя, сообщает:

Сейчас в шести воспитательных колониях страны проходит эксперимент по созданию воспитательных центров. Главное отличие воспитательного центра от колонии – сугубо индивидуальный подход к осужденному. С подростками активно работают педагоги и социальные работники (Куликов *«Камера матери и ребенка»*).

Также планируется эксперимент по созданию особых условий для жизни осужденных мам с маленькими детьми:

Как сообщили «РГ» руководители ФСИН России, тюремное ведомство планирует создать в трех регионах центры содержания матери и ребенка, где осужденные мамы смогут постоянно жить вместе с детьми. Более того, по мнению экспертов, возраст детей, которым можно проживать вместе с мамами в колониях, надо поднять до четырех лет. Но этот вопрос еще требует изучения.

Надо подчеркнуть, в данном случае речь идет о невинных детях в полном смысле слова. Мама попала в тюрьму, а малыш поехал вместе с ней — без мамы в его возрасте никуда. Закон разрешает детям до трех лет находиться в колониях вместе с мамами. Но, как правило, заключенная мама приходит и уходит, а ребенок постоянно живет отдельно. Сейчас, по данным ФСИН, при женских колониях работают 13 домов ребенка, в которых проживают 667 детей (Куликов *«Камера матери и ребенка»*).

Другой аспект тенденции к гуманизации пенитенциарной системы за счет расширения полномочий социальной работы читатель найдет в сообщении о проекте федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Запланированы инновации в усилении двух направлений работы — социальной реабилитации и ресоциализации бывших заключенных — силами, прежде всего, учреждений социального обслуживания граждан:

Ведь бывает и так, что человек из мест лишения свободы возвращается буквально в никуда: жить негде, на работу не берут. И он опять совершает преступление. В стране действуют свыше 3,5 тысячи учреждений **социального обслуживания** граждан. Но это не обычные собесы. Они **работают** с людьми, утратившими **социальные** связи: с несовершеннолетними, вернувшимися из воспитательных колоний и спецучреждений и не имеющими жилья, с психически больными, представляющими **социальную** опасность, одинокими стариками и инвалидами, освобожденными из мест отбывания наказания, с алкоголиками и наркоманами (Фалалеев *«Не доводи до греха»*).

Кроме того, законопроект предусматривает развитие межсекторного взаимодействия: в профилактике правонарушений планируется, что будут вовлечены

не только полицейские и прочие правоохранители, но и руководители местных администраций, предприниматели, общественные и спортивные организации (Там же).

Явной новизной законопроекта отмечается:

...квотирование рабочих мест на муниципальных и даже коммерческих предприятиях, чтобы создавать условия для получения профессии и разрешения проблем занятости людям с деформацией социальных ценностей. И государство для таких организаций установит налоговые и прочие льготы (Там же).

Автор статьи также выражает и сомнения в том, что установление режима льгот может оказаться недостаточным стимулом для трудоустройства целевой группы; в этом случае автор допускает введение нерыночной меры: «административной ответственности за нарушение правил о квотировании рабочих мест».

Одно из направлений расширения поля профессиональной деятельности социальной работы сопряжено с идеей гуманизации пенитенциарной системы в России, ее избирательной – для защиты материнства и детства, профилактики правонарушений – реинституционализацией. Реформа также предполагает развитие межсекторного взаимодействия, повышения роли субъектов рыночного хозяйствования и общественного участия.

Социальная работа – сфера смелых экспериментов на институциональном уровне

Эксперимент по бесплатной реабилитации наркоманов

Следующая сфера, где законодательно предусматривается расширение рабочих мест для социальной работы, – реабилитация и профилактика наркомании:

Важный эксперимент стартовал с легкой руки Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. 1 июня в столице заработал пилотный вариант **помощи** по оказанию наркоманам и гражданам, прошедших лечение от этой смертельной страсти, специальных услуг по **социальной реабилитации** (Богданов «*Шанс выжить*»).

Сообщается, что на эксперимент правительство Москвы выделило 100 миллионов рублей. Важный нюанс, который показывает, что реализация подобной программы доступна далеко не всякому региону. Как сказала представитель столичного правительства:

Напомню, сейчас находится на стадии утверждения программа «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ». Но пока идут различные согласования, Москва не стала ждать их окончания и одной из первых приступила к разработке и запуску программы (Там же).

Большой бюджет обосновывается масштабом проблемы, высокой стоимостью лечения, а также тем, что в помощи нуждаются и малообеспеченные семьи:

Лечение этой беды очень дорого стоит. И не каждая семья может позволить себе заплатить за возврат своего родственника к нормальной жизни от 30 до 100 тысяч рублей в месяц. [...] По расчетам экспертов, нужно не меньше полугода, чтобы избавить человека от зависимости, очистить и тело, и душу. Столичный курс реабилитации рассчитан на 180 дней. Ежесуточные затраты на одного человека не могут превышать 1000 рублей и 180 тысяч за весь период прохождения реабилитации. Эти расходы несет не семья, а городские власти. В первую очередь эксперимент рассчитан на малоимущие семьи, которые не могут позволить направить близких на длительный период в реабилитационный центр или частную клинику (Богданов «*Шанс выжить*»).

Отмечается, что участвовать в программе – претендовать на финансирование – организации разных форм собственности могут, получив сертификат на конкурсной основе.

Реализация данной программы способствует появлению социальных работников на профессиональных сценах, где используются высокие медицинские и продвинутые организационные технологии.

Планы по развитию социального туризма

Идея развития социального туризма как формы социальной поддержки малообеспеченных слоев населения может показаться экзотичной для социальной работы. Однако в категорию малообеспеченных входят и маломобильные граждане, при чем необязательно инвалиды.

Специфика этого направления видится в том, что на первый план в его реализации выходят экономические акторы и выраженные в терминах экономических интересов задачи:

Туризм – это мощная подпорка экономики во многих странах мира. Сегодня в нашей стране туристический рынок создает 4 процента ВВП страны, в то время как в развитых европейских странах этот показатель находится на уровне 20 процентов. При этом туристический потенциал России огромен – достаточно посмотреть на объекты, включенные в наследие ЮНЕСКО, и наличие здравниц. Однако в реальности сфера туризма в нашей стране находится в стадии развития. Жалобы известны – это низкое качество обслуживания, сервиса, связи, высокие цены на транспорт, питание. Получается замкнутый круг: туризм не развивается потому, что цены высокие, а цены высокие потому, что на отдых ездит мало людей. [...] Разорвать этот круг предлагается за счет введения системы отпускных чеков, или банковских карточек, причем, как уже говорилось выше, системы, уже

опробованной в мировой практике, например, во Франции, Испании, Швейцарии, некоторых других странах (Трофимов «Отпускные чеки ждут...»).

В данном случае расширение сферы социальной поддержки мы видим за счет отказа ограничивать социальную поддержку исключительно задачами пассивного выживания. В новой трактовке речь идет о принципиальном изменении качества жизни клиентов социальной поддержки: их не столько защищают, сколько предоставляют возможности для полноценной жизни и социального развития.

У такой социальной поддержки имеется твердая экономическая база; ее примеры дают передовые страны Европы, а также отдельные российские регионы – надо лишь их опыт распространить на всю Россию:

Стоит отметить, что **социальная поддержка** туризма есть в отдельных регионах, например, в Москве, Татарстане, Ростовской области. Существуют льготы и скидки на перевозки воздушным и железнодорожным транспортом, малоимущим и многодетным семьям выделяются путевки для санаторно-курортного лечения и так далее. Но это – неизмеримо малая толика того, что предстоит еще сделать. Логическим завершением этой **работы** должно стать создание законодательной базы именно **социального** туризма, создание базы и российского эмитента отпускных чеков (Там же).

Упоминается также о том, что в Россию на встречу с отраслевыми чиновниками приезжали представители от руководства головной все-европейской организации (ОИТС) и «активно приглашали Россию к диалогу, взаимодействию»; «европейцы видят именно в социальном туризме один из путей нейтрализации последствий социального кризиса», как одного из последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Основное содержание статьи – три кластера проблем, стоящих на пути развития социального туризма в России.

Организация социального найма пустующего жилья

Речь идет о противоречии, мешающем эффективно использовать накопленные богатства страны: наличие пустых квартир, где никто не живет годами, с одной стороны, и неудовлетворенный спрос на недорогое жилье – с другой. Пустующие квартиры собственники:

...боятся сдавать из-за «дикого» рынка аренды. Так почему бы не сдать его по договору некоммерческого найма тем семьям, которые сегодня остро нуждаются в жилье? Причем с госгарантией» (Домчева «Задели за жилое»).

Эта идея также имеет аналогами зарубежный опыт:

В отличие от Дании, где хозяев по закону обязывают сдавать такие квартиры нуждающимся горожанам, у нас предлагается совершать подобные сделки только по добровольному согласию обеих сторон. При этом государство будет выступать посредником: арендовать квартиры у владельцев по полной коммерческой стоимости, а потом распределять между нуждающимися уже по льготной цене, а в некоторых случаях и совершенно бесплатно. Стандартный договор государственного образца будет заключаться как минимум на пять лет (Там же).

Как видим, в европейском опыте российские эксперты находят не только рыночные механизмы, но и механизмы социального администрирования: «Нуждаемость будут определять социальные службы города». Так рынок съемного жилья может стать сферой приложения социальных служб. Интенсификация рынка может сделать социальными бенефициарами, как владельцев жилья, так и квартиросъемщиков, поскольку среди представителей обеих категорий могут оказаться традиционные клиенты социальной поддержки.

Социальная поддержка детей войны и семьям пропавших без вести воинов

Сообщается, что «По данным министерства труда и соцзащиты, сегодня в России насчитывается около 13 миллионов так называемых детей войны» (Богданов «Недетская память»); при этом оказывается, что «них чуть более 2 миллионов граждан этой категории не получают никаких льгот». Документ касается только граждан России, которые родились в период с 23 июня 1928 года до 3 сентября 1945 года и в годы войны были несовершеннолетними.

Поскольку в тексте законопроекта сказано, что он «не определяет меры социальной поддержки этих людей, а лишь устанавливает статус данной категории граждан, обеспечивает им почет и уважение в обществе», обеспечить «почет и уважение в обществе» призваны работники социальных служб — больше никому.

В статье в пример приводится Украина, в которой аналогичный закон 2006 г. установил целевой группе ряд льгот.

Другая целевая группа имеет не только историческое измерение, но и современное звучание: российским военнослужащим доводится служить в «горячих точках», однако твердой законодательной базы для социальной поддержки семей пропавших без вести во время боевых действий принято не было.

Близким родственникам солдат и офицеров, пропавших без вести во время боевых действий в «горячих точках», могут назначить денежные компенсации. Такие выплаты предусматривает законопроект, подготовленный в Совете Федерации. [...] Эти люди уже многие десятилетия справедливо возмущаются тем, что, оставшись без близкого человека, а часто и без кормильца, они по сути дела не получают от государства никакой материальной поддержки. Жены, дети, родители погибших в «горячих точках» военнослужащих наделены таким правом, а эта категория российских граждан – почему-то его лишена. Ситуация действительно выглядит, по меньшей мере, странно. Даже в мирное время, не говоря уже о войне, причисленные к пропавшим без вести военнослужащие и их родственники как бы автоматически попадают в ущербную категорию наших граждан. Меры социальной поддержки применительно к ним, как правило, не работают или существенно ограничены (Гаврилов *«Получите за мужа»*).

В материале приводятся данные, согласно которым всего 796 российских военнослужащих числятся пропавшими без вести в Афганистане, на Северном Кавказе и в других «горячих точках».

Таким образом, предлагаются новые категории клиентов социальных служб: дети войны и семьи пропавших без вести в «горячих точках» военнослужащих. Ссылка на опыт менее богатой Украины подсказывает, что мирная Россия в отношении своих военных и перенесшего тяготы войн гражданского населения имеет значительные резервы в перенимании международного опыта социальной защиты и поддержки.

В целом, образ рисуется такой, что законотворчество и административные распоряжения своевременно и адекватно вписываются в общественные реалии страны и мира: законодательство приводится в соответствие с международными нормами в полном соответствии с внутрироссийскими реалиями.

Прокламируется, что всемогущее государство «подвинется», предоставляя благоприятное пространство для активного участия в решение социальных проблем бизнесу и самому обществу, при этом сохраняя за собой функцию регламентации общих институциональных условий для эффективного межсекторного взаимодействия, направленного на решение социальных проблем.

Социальная работа – это поле для институциональных экспериментов, которые предполагаю расширение зоны ответственности социальных служб по двум направлениям: (1) достижение более гармоничного сочетания административных, рыночных и социальных форм координации институциональных взаимодействий; (2) включение в число подопечных новых видов социальной поддержки и, тем самым, новых социальных категорий: поддержка социального туризма, гуманизация ФСИН, социальная защита семей военнослужащих и др.

РЕЗЮМЕ

1. Комбинация из ключевых усеченных лексем «работ*, реабилит*, поддерж*, помощ*, обслуж*, служб*, защит*» и атрибута «социальн*» позволила построить выборку формально релевантных текстов, в которой 62 % оказалось пертинентных источников.

Непертинентные источники имеют следующие конфигурации употребления ключевых лексем, причиняющих шум: (1) атрибут и ключевые лексемы входят в разные словосочетания; (2) ключевые лексемы без атрибута относятся к референтам из иных тематических областей, не входящим в сферу социальной работы; (3) пертинентные агенты или объекты упоминаются лишь вскользь, как часть характеристики нетематических объектов; (4) пертинентные лексемы употребляются для обозначения непертинентных референтов, т.е. нетерминологически.

2. Все тематически, содержательно релевантные (пертинентные) тексты без остатка подразделяются на два разговора-дискурса: событийного и законотворческого.

3. Материалы событийного разговора аналитически подразделять на отечественные и зарубежные материалы. Далее российские материалы группируются по оценке образа социальной работы/социальной защиты: материалы с позитивной, нейтральной и негативной оценкой. В позитивный образ входят такие содержательные компоненты: глобальность горизонта; сложность и иерархичность структуры профессиональной

деятельности (много аспектов и каждый аспект имеет разные уровни сложности профессионально решаемых задач); включенность профессии в профессиональное разделение труда, предполагающее взаимодействие со смежниками (ученые, врачи, педагоги, психологи, правоохранители, представители администраций и др.), работающими, в том числе, и в высокотехнологичных средах; приобщенность к выполнению важной работы, которой уделяют внимание (по крайней мере, в экстренных (приятных и неприятных) случаях) представители администраций.

Социальная работа / защита как рутинный процесс представлена на примере территории, где приход строительства с космическими технологиями задвинуло местных жителей в «социальное гетто» без надежд на развитие. Порожденное сосуществованием разных укладов непродуктивное неравенство, порождающее гигантские проблемы, с которыми домохозяйства не в состоянии решить, а у властной вертикали средств на их решение не предусмотрено, оставляет за социальной защитой рутинную обязанность поддерживать пособиями социально сохранных жителей, оставляя само поддержание социальной сохранности целиком на самих жителях. Работает закон выживания: кто сохранился, тому социальные пособия в помощь, кому нужна дополнительная сверх рутины поддержка, предоставлены сами себе. Социальная защита как профессия – простой механизм передачи социальных пособий; к нестандартным ситуациям она слепа.

Негативный образ социальной работы / защиты тоже связан с рутинизацией профессии в рамках строгих регламентов, не терпящих инициативности. Первая причина «слепоты» к людям, попадающим в трудную ситуацию, – люди сами не обращаются, а инициативно их выискивать «не положено». Этот образ свидетельствует о том, что профессионализация социальной работы в России состоялась в рационально бюрократическом ключе. Официальная социальная работа видит лишь ту часть реальности, которая предусмотрена регламентами. Обратной стороной бюрократической профессионализации оказывается неспособность находить индивидуальный подход для разрешения проблемной ситуации: приходится либо перекладывать ее решение на смежников, либо выбирать жесткие институционализированные формы поддержки, способные усугубить положение подопечных. Позитивно социальные работники лишь вскользь упоминаются только тогда, когда они появляются на сцене в качестве добровольцев – тех, кто вне и после своей профессиональной занятости имеет право пренебречь регламентами, действовать «не по уставу».

Взятый в негативном ключе, социальный работник, в широком понимании, как представитель профессии «социальная работа», может быть «слепым»: не «замечать» тех, кто нуждается в помощи, если они не обратились, не «замечать» потребностей и тех клиентов, кто за помощью обращается. Социальный работник может быть и опасным для объекта своей «заботы»: например, у роженицы он может изъять ребенка против ее воли, если социальная служба не видит, согласно рутинным регламентам, у нее благоприятных жизненных условий для воспитания ребенка; в статьях из таких условий были упомянуты отсутствие регистрации, отсутствие жилья, несовершеннолетие.

Источник «слепоты» — обязательное следование регламентам в использовании государственных/муниципальных ресурсов: рабочее время служащих, материальные и финансовые ресурсы должны расходоваться в прописанных пропорциях на предусмотренные категории клиентов.

Здесь все замечают и действуют, исходя из индивидуальных потребностей нуждающихся только представители гражданского общества, волонтеры, которые приходят, словно ниоткуда и берут на себя ответственность, покрывая скудость личных бюджетов бюджетами неправительственных агентств и активным личным участием с высочайшими транзакционными издержками.

В нейтральном ключе социальная работа нейтральный (равнодушный) рутинный процесс социального вспомоществования, обеспечивающий выживание населения в депрессивных территориях. В одной семье может случиться радостное событие (родиться тройня), социальная служба может с пользой оказать нештатное желанное участие. В другой семье тройня может сгинуть, несмотря на охват рутинным процессом социального вспомоществования; этот процесс может обеспечить условия для выживания, создать предпосылки для выживания, но не гарантировать его от форс-мажорных обстоятельств.

В позитивном ключе социальная работа естественно вписывается в глобальный контекст; она действует без границ или как бы без границ — действует локально, но способами, которые приняты в мире, глобальными.

Социальная работа ответственна за удовлетворение самых разнообразных человеческих потребностей, то есть, указание на их разнообразие можно найти в регламентирующих документах и дискурсе планов. Последний — это дискурс ожиданий, которые верно сбудутся: если что-то еще не завезли — завезут, если что-то еще не открыли — откроют.

Социальная работа — это дифференцированное по профессиональным компетенциям занятие, которое находит себе место и в высоко технологизированной среде.

Профессиональная деятельность социального работника связана с реализацией социальной функцией исполнительных, законодательных и судебных офисов. Социальный работник — слуга общества лишь постольку, поскольку он «слуга государев»: «государевы» регламенты отменяют границы и категории для служения обществу, они же их и устанавливают.

Впрочем, регламентированность — это атрибут любой развитой профессии, представители которой принципиально не могут, не должны поступать по велению сердца, пренебрегая дисциплинированностью. Довольно полное представление об этом дают приведенные журналистом слова руководителя волонтеров помогающим бездомным детям и не только детям:

Правильно мотивированный доброволец приходит в нашу организацию не самоутверждаться, а участвовать в совместной благой деятельности. [...] Организация выступает как бы посредником между волонтером и подопечным. Волонтер же является представителем организации и должен делать только то, на что уполномочен. Люди, которые за счет ресурсов организации реализуют свои личные понятия о совершении добрых дел, как правило, плохо обучаемы, не слушаются руководства, не надежны в общем деле. [...] Прежде всего [добровольцу] надо быть спокойным и доброжелательным. Своих товарищей лучше называть полным именем, как и бездомных людей. Приступая к работе с бездомными, не нужно сразу рваться в бой, спасать или обещать спасение — следует беречь силы, наблюдать за работой опытных товарищей, понемногу помогать, но не брать на себя большой ответственности. Не надо идеализировать бездомных людей, равно как и демонизировать их. Это мешает трезво оценивать ситуацию, затрудняет адекватное общение с ними. Не стоит давать свой телефон. Это предостережение в первую очередь адресовано девушкам. Потому что есть разные бездомные. Есть и психически ненормальные, и сексуально озабоченные, и криминальные. Наш общий официальный телефон — мой. Я ходячий офис. [...] Наш опыт также показал, что совершенно бесполезно, а часто даже и опасно давать деньги бездомным людям. Опасно для них самих. Деньги практически никогда не решают проблему, только усугубляют ее. Особенно если вы новичок и еще не умеете классифицировать просящих. Хотя бывают исключения... (Выжutowич «Кому нужны бездомные?»).

Требования и запреты «не самоутверждаться, а участвовать в совместной благой деятельности», выступать представителем организации перед подопечными и «делать только то, на что уполномочен», подчинять свои действия общему делу, быть обучаемым и слушаться руководства, соблюдать «корпоративный» этикет в общении, «понемногу помогать, но не брать на себя большой ответственности» и др. вполне можно найти в регламентах профессионального социального работника. За обоими регламентами стоит история взаимодействия с клиентами/подопечными, за запретами и ограничениями — небезосновательная забота о собственной безопасности и безопасности подопечного.

В чем различие между фреймированным соцработником и вольным волонтером при общем сходстве природы регламентации? — очевидного ответа на этот вопрос публикации событийного дискурса не дают.

В коммуникативное задание материалов этой группы не входит идея межсекторного взаимодействия; профессия имеет замкнутые границы, которые (наверно) размыкаются только для взаимодействия с профессионалами-смежниками внутри репрезентируемого единым организационного пространства. Для внутрироссийского разговора не характерно представление будущего — ни светлого, ни темного; разговор обращен в недавнее прошлое и настоящее.

Репрезентации зарубежных материалов сообщают читателю о том, что, если Россия по институциональному развитию социальной работы в чем-то и отстает, то это отставание форы передовым «цивилизованным» странам не дает: институциональное развитие не искореняет ни одну из проблем, над решением которой бьются социальные работники по всему миру, в том числе, и в «цивилизованных» странах.

4. Законотворческий и административно-управленческий дискурс является центральным для «Российской газеты». Он прежде всего обращен в будущее, которое конституировано содержанием уже принятых законов, рассмотрением разработанных законопроектов и грядущей имплементацией принятых административных решений.

В этом дискурсе читатель найдет минимальные сведения о содержании профессиональной деятельности социальной работы/защиты, поскольку фокус внимания направлен на создание институциональных оснований для собственно деятельности.

5. Собираемый портрет включает ряд содержательных компонентов.

Во-первых, это поле острых политических конфликтов, в которых здоровому социально ориентированному прагматизму думских

депутатов (по крайней мере, пока) удастся преодолеть сопротивление идеологическому экстремизму либералов от правительства.

Во-вторых, законодательный процесс вписан в различные социальные процессы на разных уровнях: хорошо отражает объективные демографические процессы российского общества; идет в ногу с развитыми странами, в частности, в переориентации с простого выживания подопечных на их интеграцию и социальное развитие; утверждает расширение сферы приложения социальной работы; предполагает дальнейшую социализацию отрасли и её модернизацию за счет организации межсекторного взаимодействия на основе комбинации административных, рыночных и социальных механизмов, а также дальнейшей (бюрократической) кодификации профессионального поля и одновременного усиления общественного контроля над качеством функционирования учреждений социальной сферы всех конкурирующих организационно-правовых форм собственности.

В-третьих, сфера социальной работы имеет тенденцию прирастать новыми зонами ответственности по двум направлениям: (1) достижение более гармоничного сочетания административных, рыночных и социальных форм координации институциональных взаимодействий; (2) включение в число подопечных новых видов социальной поддержки и, тем самым, новых социальных категорий: поддержка социального туризма, гуманизация ФСИН, социальная защита семей военнослужащих и др.

Список проанализированных публикаций

Нерелевантные публикации

Борисова И. *Премия за хулигана* // Российская газета. 13.05.2014. Общероссийский выпуск № 105 (6377).

Ермаков С. *«Стрелец» в Крыму спасает детей* // Российская газета. 16.09.2014. Общероссийский выпуск № 210 (6482).

Ивойлова И. С *Вышки виднее* // Российская газета. 02.09.2014. Общероссийский выпуск № 198 (6470)

Петров В. *Конвой ждет* // Российская газета. 05.09.2014. Общероссийский выпуск № 202 (6474).

Петров И. *Чужая родня* // Российская газета. 26.08.2014. Общероссийский выпуск № 192 (6464).

Снегирев Ю. *Боролись, боремся и будем бороться* // Российская газета. 13.05.2014. Общероссийский выпуск № 105 (6377).

Раздел 2

Тематически нерелевантные публикации с пертинентными лексемами

Борисов Т. *Опять 45* // Российская газета. 31.01.2014. Общероссийский выпуск № 21 (6293).

Грицюк М. *Не «социалка» – жизнь человека* // Российская газета. 07.03.2014. Общероссийский выпуск № 54 (6326).

Грицюк М. *Обезболивающее* // Российская газета. 19.02.2014. Общероссийский выпуск № 38 (6310).

Грицюк М., Смольякова Т. *Плохо быть молодым* // Российская газета. 28.05.2014. Общероссийский выпуск № 118 (6390).

Домчева Е. *Родителям в помощь* // Российская газета. 13.08.2014. Общероссийский выпуск № 181 (6453).

Домчева Е., Смольякова Т. *Не зря копили* // Российская газета. 06.08.2014. Общероссийский выпуск.

Замахина Т. *Спасли рядового агрария* // Российская газета. 07.04.2014. Общероссийский выпуск № 78 (6350).

Кичин В. *Гламур вдребезги* // Российская газета. 07.02.2014. Общероссийский выпуск № 27 (6299).

Козлова Н. *Капиталом жилье не испортишь* // Российская газета. 09.07.2014. Общероссийский выпуск № 151 (6423).

Кривошапко Ю. *Перейти в средний класс* // Российская газета. 09.04.2014. Общероссийский выпуск: № 80 (6352).

Кузьмин В. *Рост с учетом рисков* // Российская газета. 04.07.2014. Общероссийский выпуск № 148 (6420).

Мирошниченко А. *Нужно ли пособие по безработице?* // Российская газета. 04.06.2014. Общероссийский выпуск № 124 (6396).

Смольякова Т. *Он был лидером аудиторки* // Российская газета. 18.03.2014. Общероссийский выпуск № 61 (6333).

Смольякова Т. *Родители по расписанию* // Российская газета. 18.03.2014. Общероссийский выпуск № 61 (6333).

Юринская Е. *Прямая речь* // Российская газета. 12.08.2014. Общероссийский выпуск № 180 (6452).

Юферова Я. *С виски и нефтью – на свободу* // Российская газета. 17.03.2014. Общероссийский выпуск № 60 (6332).

Публикации событийного дискурса

Алексеева Т. *Не важны границы* // Российская газета. 28.07.2014. Общероссийский выпуск № 167 (6439).

Бугайская Е. *Слишком сильно напуганы* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Воробьев В. *Жить и спать на широкую ногу* // Российская газета. 08.04.2014. Общероссийский выпуск № 79 (6351).

Репрезентация профессии социальной работы...

Выжutowич В. *Кому нужны бездомные?* // Российская газета. 30.05.2014. Общероссийский выпуск № 121 (6393).

Гельман З. *В масштабах катастрофы* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Краснопольская И. *Жизнь впереди* // Российская газета. 09.06.2014. Общероссийский выпуск № 128 (6400).

Розэ А. *Деньги в стакане воды* // Российская газета. 14.02.2014. Общероссийский выпуск № 34 (6306).

Рузанова Н. *Обманули, как младенца* // Российская газета. 12.03.2014. Общероссийский выпуск № 56 (6328).

Смолякова Т. *Детей иметь выгодно* // Российская газета. 15.05.2014. Общероссийский выпуск № 107 (6379).

Ярошенко А. *Совсем Свободный* // Российская газета. 31.01.2014. Общероссийский выпуск № 21 (6293).

Публикации законодательного дискурса

Богданов В. *Недетская память* // Российская газета. 21.02.2014. Общероссийский выпуск № 41 (6313).

Богданов В. *Шанс выжить* // Российская газета. 03.06.2014. Общероссийский выпуск № 123 (6395).

Бурменко К. *От требований не отказывается* // Российская газета. 17.02.2014. Общероссийский выпуск № 36 (6308).

Гаврилов Ю. *Получите замужа* // Российская газета. 04.02.2014. Общероссийский выпуск № 23 (6295).

Голубкова М. *Ошибки налицо* // Российская газета. 05.03.2014. Общероссийский выпуск № 51 (6323).

Домчева Е. *Без спроса не зайдет* // Российская газета. 11.02.2014. Общероссийский выпуск № 30 (6302).

Домчева Е. *Задел за жилое* // Российская газета. 20.02.2014. Общероссийский выпуск № 39 (6311).

Домчева Е. *К терапевту по рейтингу* // Российская газета. 05.02.2014. Общероссийский выпуск № 24 (6296).

Домчева Е. *Материнская плата* // Российская газета. 03.04.2014. Общероссийский выпуск № 75 (6347).

Домчева Е. *Школам поставят оценку* // Российская газета. 20.08.2014. Общероссийский выпуск № 187 (6459).

Замахина Т. *«Дорожные карты» под контролем* // Российская газета. 17.06.2014. Общероссийский выпуск № 132 (6404).

Зыкова Т. *ЕГЭ для детсада* // Российская газета. 01.10.2014. Общероссийский выпуск № 223 (6495).

Зыкова Т. *Идем на рынок* // Российская газета. 07.10.2014. Общероссийский выпуск № 228 (6500).

Исаев А. *Больше комфорта для инвалидов* // Российская газета. 16.04.2014. Общероссийский выпуск № 86 (6358).

Исаев А. *День пожилых людей* // Российская газета. 01.10.2014. Общероссийский выпуск № 223 (6495).

Исаев А. *Как повысить качество социальных услуг* // Российская газета. 14.05.2014. Общероссийский выпуск № 106 (6378).

Исаев А. *Новости о независимой оценке качества соцуслуг* // Российская газета. 02.07.2014. Общероссийский выпуск № 145 (6417).

Исаев А. *Пенсионный возраст* // Российская газета. 22.01.2014. Общероссийский выпуск № 12 (6284).

Козлова Н. *Услуги разложат по полочкам* // Российская газета. 04.03.2014. Общероссийский выпуск № 50 (6322).

Кузьмин К. *Годы адаптации* // Российская газета. 11.03.2014. Общероссийский выпуск № 55 (6327).

Куликов В. *Камера матери и ребенка* // Российская газета. 24.07.2014. Общероссийский выпуск № 164 (6436).

Куликов В. *Не дорос до тюрьмы* // Российская газета. 30.01.2014. Общероссийский выпуск № 19 (6291).

Куликов В. *Не созрел для тюрьмы* // Российская газета. 02.04.2014. Общероссийский выпуск № 74 (6346).

Новоселова Е. *Городу и миру* // Российская газета. 14.03.2014. Общероссийский выпуск № 59 (6331).

Петров В. *Кабинеты застрахованных* // Российская газета. 05.03.2014. Общероссийский выпуск № 51 (6323).

Розова Л. *Больше семей государство сильнее* // Российская газета. 26.02.2014. Общероссийский выпуск № 45 (6317).

Сибина С. *Пустите переночевать* // Российская газета. 04.07.2014. Общероссийский выпуск № 148 (6420).

Трофимов Е. *Отпускные чеки ждут своего часа* // Российская газета. 03.09.2014. Общероссийский выпуск № 199 (6471).

Фалалеев М. *Не доводи до греха* // Российская газета. 25.03.2014. Общероссийский выпуск № 67 (6339).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьева О. А. – к.с.н., доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Давыдова И. А. – магистр социологии, аналитик Аналитического центра Сигнал Медиа

Кононенко Р. В. – к.с.н., ст. преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Любимова А. Д. – к.с.н., доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Оберемко О. А. – к.с.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Рожкова О. А. – магистр социологии, независимый исследователь

Ярская В. Н. – д.ф.н., профессор Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Ярская-Смирнова Е. Р. – д.с.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»